

Глава 22

Германская кампания и Фридрих Вильгельм

Прут остался позади, а Петр с Екатериной отправились на север, в Польшу. Там и в Германии Петр собирался воспользоваться успехом Полтавы, чтобы возобновить войну против Швеции. Первым делом следовало убедить союзников – польского короля Августа и Фредерика IV Датского – в том, что несчастье на Пруте не поколебало решимости царя заставить Карла XII заключить приемлемый мир. Но еще раньше Петр намеревался посетить Германию, чтобы пройти курс лечения в Карлсбаде и присутствовать на свадьбе своего сына Алексея и принцессы Шарлотты Вольфенбюттельской. И все эти планы царя, и даже сам путь, по которому он следовал, стали возможны для него только благодаря полтавской победе. Пока шведская армия не была разгромлена, в Польше хозяйничал Карл XII, и Петр просто не смог бы проехать в Германию через польские земли. Теперь же шведов и след простыл, а сам Карл был далеко, в Турции. С тех пор и до конца дней своих Петр разъезжал по германским владениям почти так же часто и беспрепятственно, как по России.

Петру нужно было отдохнуть и оправиться от усталости, уныния и болезни, которая докучала ему в то злосчастное лето на Балканах. Уже в пути, плывя вниз по Висле в Варшаву, где он пробыл несколько дней, а потом в Торн, где он оставил Екатерину, царь почувствовал недомогание. В Познани у Петра случился тяжелый приступ и ему пришлось несколько дней пролежать в постели, прежде чем отправиться дальше, в Дрезден и Карлсбад, на воды. Лечение заключалось в очищении организма с помощью минеральной воды из источника – процесс был долгий и мучительно скучный, порой даже неприятный. Уитворт, сопровождавший Петра, докладывал своему начальству в Лондон, что царь страдает от «жестокého поноса». Петр сразу впал в тоску и жаловался Екатерине: «Катеринушка, друг мой, здравствуй! Мы сюды доехали, слава Богу, здорова и завтра зачнем лечитца. Место здешнее так весело, что мочно чесною тюрьмою назвать, понеже междо таких гор сидит, что сонца, почитай, не видеть; всего пуще, что доброва пива нет. Аднакож чаем, что от воды Бог даст доброе. Посылаю при сем презент тебе: часы новой моды, для пыли внутри стекла... болше за скоростию достать не мог, ибо в Дрездане толко один день был».

Из Карлсбада Петр поехал назад в Дрезден и провел там неделю. Он остановился в гостинице «Золотое кольцо», а не в королевском дворце, причем и там выбрал низенькую комнатку привратника, а не специальный номер для важных гостей. Он сходил на теннисный корт, взял ракетку и немного поиграл. Дважды посетил бумажную фабрику и своими руками сделал несколько листов бумаги. Заглянул к Иоганну Мельхиору Динглингеру, придворному ювелиру, чьи великолепные произведения из драгоценных камней, металлов и эмали славились на всю Европу. (Годом позже, оказавшись в Дрездене, Петр настоял на том, чтобы прожить неделю в доме у Динглингера). Он три часа провел с Андреасом Гартнером, придворным математиком и механиком, знаменитым изобретателем. Петра особенно заинтересовала его машина для перевозки людей и вещей с одного этажа в доме на другой – попросту говоря, лифт. В благодарность за прием царь подарил Гартнеру охапку соболей, чтобы тот сшил себе теплую шубу к зиме.

13 октября Петр приехал в Торгау, замок польской королевы, где должна была состояться свадьба его сына. Это место предпочли Дрездену, чтобы устроить скромную церемонию для близких и не приглашать прусского короля, курфюрста Ганноверского и других германских князей, избежав тем самым протокольных сложностей и сэкономив время царя и деньги отца невесты, герцога Вольфенбюттельского. Свадьба состоялась в воскресенье, 14 октября 1711 года, в большом зале дворца. Для того чтобы ярче сияла иллюминация, устроенная по случаю этого события, окна в зале затемнили, а стены увешали зеркалами, отражавшими свет тысяч свечей. Обряд венчания проводился по-русски за исключением традиционных вопросов к невесте (уже перешедшей из лютеранства в православие, поскольку она готовилась стать супругой будущего царя) и ее ответов, которые прозвучали по-латыни. За свадебным ужином, накрытым в апартаментах королевы,

последовал бал, после чего, как сообщал современный хронист, «Его Царское Величество самым трогательным образом дал новобрачным свое отеческое благословение и сам отвел их в опочивальню». Той же ночью, прежде чем отойти ко сну, Петр успел написать Меншикову: «На писма ваши буду впредь ответствовать, а ныне не успел за свадьбою сына моего, которая сего дня совершилась, слава Богу, добрым порядком и людей было зело знатных много. Свадьба была в дому королевы польской, где и от вас присланной арбуз поставлен был, которой овощ здесь зело за диво».

В Торгау Петр наконец встретился с Готфридом Лейбницем. Еще со времен первого визита Петра в Германию с Великим посольством знаменитый философ и математик ждал случая добиться благосклонного внимания царя и побудить его ввести новые образовательные и научные учреждения в России. Теперь, когда он познакомился наконец с Петром, ему это удалось – правда, частично: царь не вверил его заботам будущее русской культуры и просвещения, но на следующий год пожаловал Лейбницу чин советника юстиции, установил жалованье (ни разу не выплаченное) и попросил набросать проект предполагаемых реформ в сфере образования, законодательства и управления. Их следующую встречу в Карлсбаде в 1712 году Лейбниц так описывал ганноверской курфюрстине Софии: «Я обнаружил, что Его Величество вот-вот закончит лечение. Несмотря на это, он пожелал переждать несколько дней, прежде чем уезжать отсюда, потому что в прошлом году он почувствовал себя плохо, выехав в дорогу сразу после лечения... Ваше Высочество найдет удивительным, что мне предстоит сделаться своего рода российским Солоном, хотя и на расстоянии. Это означает, что царь через Головкина, своего великого канцлера, сказал мне, что мне предстоит реформировать законы и составлять руководство для отправления правосудия. Так как я полагаю, что законы тем лучше, чем они короче, подобно десяти заповедям или Двенадцати таблицам Древнего Рима, и поскольку этот предмет принадлежит к числу самых старых моих занятий, то вряд ли это отнимет у меня много времени».

Герцог Вольфенбюттельский, постоянный корреспондент Лейбница, в шутку предупреждал «нового Солона», что вряд ли он получит за свои старания что-нибудь кроме Андреевского креста. Но Лейбниц не слишком серьезно отнесся к своему новому назначению: «Я очень рад, что заставил Ваше высочество немного посмеяться над русским Солоном. Но русскому Солону мудрость греков не нужна, хватит с него и меньшего. Меня бы чрезвычайно порадовал крест Св. Андрея, если он усыпан алмазами, но их в Ганновере не дают, а только из рук царя [в России]. Обещанные же мне пятьсот дукатов пришлось бы весьма кстати».

В конце декабря 1711 года Петр вернулся в Санкт-Петербург после почти годичного отсутствия. Здесь он с головой погрузился во внутренние дела, которые пришли в некоторый упадок, пока он оставался на Пруте и в Германии. Царь распорядился расширить торговлю с Персией, учредил коммерческую компанию для торговли с Китаем и в апреле 1712 года приказал вновь созданному российскому Сенату переехать из Москвы в Санкт-Петербург. С приездом царя заметно оживилось строительство вдоль невских берегов, и в мае Петр заложил первый камень в основание нового Петропавловского собора, который Трезини собирался воздвигнуть на территории крепости.

Эта весна оказалась для Петра тревожной – он все еще не вывел свои гарнизоны из Азова и Таганрога, так что турки во второй раз объявили войну. Но царя успокоило необычайное видение, которое он описал Уитворту, а посол, в свою очередь, доложил об этом в Лондон: «Не так давно царю приснился сон: он видел, как дерутся друг с другом разные дикие животные, и тут на него бросился свирепый тигр с разинутой пастью и так его испугал, что он не мог ни защищаться, ни бежать. Но голос, неизвестно откуда исходивший, несколько раз призвал его не бояться, и внезапно тигр замер как вкопанный и больше не бросался на него. Тогда появились четверо в белом, вошли в гущу диких зверей, и ярость их сразу утихла, и все мирно разошлись. Этот сон так подействовал на воображение царя, что он записал его в своей записной книжке, указав число. Я нахожу, что это сильно укрепило

его уверенность в себе».

19 февраля 1712 года Петр официально оформил свой брак с Екатериной и публично возвестил об этом. Церемония венчания, состоявшаяся в 7 утра в домашней церкви князя Меншикова, должна была упрочить положение законной супруги Петра в глазах тех, кто поговаривал, что заключенный втайне от всех в ноябре 1707 года брак не соответствует царскому статусу⁵². Кроме того, Петр хотел таким образом выразить благодарность своей терпеливой, преданной подруге за ее несгибаемое мужество во время Прутского похода, которое помогло ему выдержать это страшное испытание. Петр венчался в мундире контр-адмирала, причем вице-адмирал Крюйс выступал в роли посаженного отца, а другие морские офицеры были шаферами. Царь и царица возвращались к себе во дворец по дороге, вдоль которой выстроились и приветствовали их трубачи и барабанщики. Петр выскочил из саней, не доезжая дверей, чтобы успеть войти первым и повесить над обеденным столом свой свадебный подарок Екатерине. Это была люстра с шестью рожками из слоновой кости и черного дерева, над которой он самолично трудился две недели. В тот вечер, писал Уитворт, «общество было великолепно, обед превосходен, вино из Венгрии прекрасно, и, что особенно приятно, его не навязывали гостям в слишком больших количествах. Вечер завершился балом и фейерверком». Петр был в веселом расположении духа и во время пира признался Уитворту и датскому послу, что «свадьба эта плодоносна: у них родилось уже пятеро детей».

Через два года Петр почтил Екатерину, учредив в ее честь новую награду, орден Святой великомученицы Екатерины – ее небесной покровительницы. Он представлял собой крест на белой ленте с девизом «За Любовь и Отечество». Новый орден, как объявил Петр, призван увековечить роль его жены в Прутской кампании, где она вела себя «не как женщина, но как мужчина».

* * *

Еще в начале 1711 года, до злополучного похода на Прут, Петр был заинтересован в мире со Швецией. В Северной войне царь достиг гораздо большего, чем изначально намеревался. Благодаря завоеванию Выборга и Карелии Петербург получил, пользуясь выражением Петра, свою «подушку» на севере. С юга его защищали оккупированные русскими Ингрия и Ливония. Два новоприсоединенных морских порта, Рига и Ревель, вместе с Петербургом широко распахнули для России балтийское «окно в Европу». О большем Петр и не мечтал, и он искренне хотел мира.

Государственный совет и народ Швеции тоже хотели мира. Швеция потерпела поражение, война была для нее губительна, и если бы она продолжилась, то ситуация стала бы еще хуже. Летом 1709 года – в год Полтавской битвы – в Швеции выдался неурожай. Осенью в войну вступила Дания, вдохновленная победами России. В 1710 и 1711 годах по Швеции пронеслась чума, Стокгольм потерял треть жителей. И теперь, в конце 1711 года, когда царь разъезжал по Германии, встречался с королями и принцами и пил воды, Швеция лежала без сил. Союзников она не имела, а против нее сплотились в грозную коалицию Россия, Дания, Саксония и Польша. Ганновер с Пруссией тоже собирались вскоре примкнуть к антишведскому союзу.

Но если все доводы рассудка требовали мира, то отчего же мир не наступал? Главным образом оттого, что этому препятствовал шведский король. По мнению Карла, Полтава была не более чем временной неудачей; еще можно было набрать новые шведские армии взамен той, что погибла на Украине; его бегство и изгнание в Турции могли обернуться блестящей возможностью выигрыша, если бы удалось склонить на свою сторону султана и присоединить к шведским войскам громадные турецкие полчища для похода на Москву.

⁵² Факт свадьбы Петра и Екатерины в 1707 г. остается спорным; документов и свидетельств, его подтверждающих, не сохранилось. – *Примеч. ред.*

Разумеется, по мнению короля, и речи не могло быть о мире, если хоть пядь шведской земли останется в руках у русских. Все, включая и новую невскую столицу царя, должно быть возвращено. А так как царь ни за что не уступит, придется вырвать у него эти земли силой. Петр, смирившись с упрямством своего противника, так же твердо намеревался не отдавать Санкт-Петербурга. Поэтому война продолжалась.

В 1711 и 1712 годах новое наступление России и ее союзников на обескровленную шведскую империю было нацелено против шведских владений в Северной Германии. Эти территории – Померания с портами Штральзунд, Штеттин и Висмар, а также Бремен и Верден на Везере – служили шведам воротами на континент, плацдармом шведской армии. Естественно, что Дании, Пруссии и Ганноверу, граничившим с этими землями, было далеко не безразлично, кому они принадлежат, и в конце концов все три государства сделались союзниками Петра.

Наступление на шведскую Померанию началось летом 1711 года. В то самое время как Петр, Екатерина, Шереметев и основные силы русской армии двигались на юг, к Пруту, другая русская армия численностью в 12 000 солдат шла через Польшу на запад, чтобы атаковать шведские владения, лежавшие к северу от Берлина. Эта операция планировалась как союзная, и в середине августа 12 000 русских, 6000 саксонских и 6000 польских войск прошли через Пруссию в нескольких милях от Берлина. К ним присоединился датский контингент, и все это разноплеменное воинство обложило Штральзунд и Висмар. К несчастью, из-за разногласий между командующими союзников и недостатка осадной артиллерии, ничего не вышло. Началась осень, осаду сняли, и войска остались зимовать в Померании. Весной 1712 года они выступили на Штеттин, но опять несогласованность действий и нехватка орудий привели к неудаче. Русская армия, на этот раз под началом Меншикова, блокировала ворота крепости, но не смогла организовать эффективной осады. Датский король Фредерик IV обещал поставить артиллерию, но вместо этого бросил все свои орудия к Бремену и Вердену, пытаясь отбить их у шведов, – эти города по другую сторону полуострова Ютландия представлялись ему более лакомым куском, чем Штеттин. Меншикову датчане заявили, что осадную артиллерию нужно требовать с поляков.

Такое положение и застал Петр, приехав с Екатериной к осажденному Штеттину в июне 1712 года. Царь жаловался Меншикову: «Я себя зело безчастным ставлю, что я сюда приехал; Бог видит мое доброе намерение, а их [датчан] и иных лукавство, я не могу ночи спать от сего трактованья». Петр написал и Фредерику Датскому, сетуя на потерю еще одного лета. Но как ни гневался Петр, он мог лишь высказывать сожаления, ведь датский флот составлял важную часть объединенных сил; больше ни одно из государств на Балтике не располагало военно-морскими силами, способными справиться со шведским флотом и отрезать шведскую армию на континенте от ее базы на родине. И все-таки тон Петра был достаточно резок: «Я чаю, что уже Вашему Величеству известно, что я не только то число войск, которое поставлено в прошлом годе в Ярославле с королевским величеством польским, для здешних действ поставил, но троекратно более умножил, к тому же и сам сюды прибыл, не щадя здоровья своего, чрез всегдашнюю фатигу и нынешний так далекой путь для общих интересов; но по прибытии моем сюда обрел войско праздно, понеже артиллерия, от вас обещанная, не точию не прибыла, но когда я Вашего вице-адмирала Сегестета, яко командира над оною спросил, который мне ответствовал, что она без особенного Вашего указу быть сюда не может. Я зело в недоумении, чего для такие перемены чинятся и время так благополучное вотще препровождается, из которого, кроме убытку, как в деньгах, а паче в интересах общих и посмеяния от неприятелей наших, ничего нет. Я всегда был и есть готовым своим высоким союзникам все, что интерес общий требует, вспомогать, что всегда с моей стороны исполнено. Ежели же сего моего прошения [о присылке артиллерии] исполнить не изволите, то я пред Вами и всем светом оправдаться могу, что сия кампания здесь нет от меня опровергнута, и тогда я невиновен буду, что, будучи без действия сам, а людей своих принужден буду вывести в свою землю, ибо напрасного убытку от дороговизны здешней, а наипаче бесчестия от неприятелей понести не

могу».

Письмо Петра не возымело действия; датская артиллерия продолжала обстреливать Бремен, а не Штеттин. В конце сентября разочарованный Петр покинул армию, чтобы третью осень подряд ехать на воды в Карлсбад. По дороге туда, проезжая через Виттенберг, царь посетил могилу Мартина Лютера и дом, где он жил. В доме смотритель показал ему чернильную кляксу на стене, появившуюся якобы в тот момент, когда Лютер увидел дьявола и бросил в него чернильницу. Петр рассмеялся и сказал: «Ужель сей мудрец верил, что можно увидеть дьявола?» Когда его попросили расписаться на стене, Петр оставил ворчливую надпись: «Чернила новыя и совершенно сие неправда».

По пути в Карлсбад царь проехал и через Берлин – проведая там престарелого прусского короля Фридриха I и его сына Фридриха Вильгельма, наследного принца. Вот что писал один из прусских придворных: «Царь приехал сюда в прошлый вторник в семь часов вечера. Мы находились в курительной комнате, когда пришел фельдмаршал с докладом, и король спросил меня, какой прием оказывали царю в Дрездене. Я сказал, что хотя король [Август] отсутствовал, царю предлагали всяческие почести, однако он их отклонил и поселился в частном доме. Его Величество ответил, что также предложит царю все, что сможет... Царь направился во дворец и, поднявшись по потайной лестнице, застал короля в его спальне, где он играл в шахматы с наследником. Оба монарха провели вместе полчаса. Затем царь взглянул на апартаменты, в которых останавливался датский король, похвалил, но отказался их занять. Наследник дал ужин, на котором присутствовало восемь человек, не считая царя, который не разрешил никаких тостов, ел, хотя уже поужинал, но не пил...

Вчера царь пришел к королю в курительную комнату, надев нарядный красный камзол, расшитый золотом, вместо своей мантии, в которой ему показалось слишком жарко, и отправился ужинать. Он был столь галантен, что подал руку королеве, надев сначала довольно грязную перчатку. Король и все королевское семейство ужинали с ним... Царь превзошел самого себя. В продолжение всего вечера он не рыгал, не выпускал непристойных звуков, не ковырял в зубах – по крайней мере, я не видел и не слышал, чтобы он это делал, – и беседовал с королевой и принцессами безо всякого смущения. Толпа зрителей была очень велика. Он обнял короля на прощание и, отдав общий поклон всей компании, вышел таким размашистым шагом, что король не мог за ним угнаться».

Через пять месяцев, возвращаясь в Россию, Петр опять проехал через Берлин. Король Фридрих I только что умер, и на трон вступил двадцатипятилетний наследник под именем короля Фридриха Вильгельма I. «Здесь нового короля я нашел зело приятна к себе, но ни в какое действо оного склонить не мог, как я мог разуметь для двух причин: первое, что денег нет; другое, что еще много псов духа шведского, а король сам политических дел неискусен, а когда даст в совет министрам, то всякими видами помогают шведам, к тому же еще не осмотрелся... Двор здешний, как мы усмотрели, уже не так чиновен стал, как прежде сего был, и многим людям нынешний король от двора своего отказал». В ответ на призыв Петра вступить в действующий альянс против шведов новый прусский король сказал, что прежде ему надо привести в порядок армию и финансы, а на это уйдет не меньше года.

* * *

Годы жизни Петра I и период подъема России совпали с появлением нового, четко организованного, военизированного государства в Северной Германии – прусского королевства. Оно образовалось из Бранденбургского княжества, чей правящий дом, династия Гогенцоллернов, вел род от тевтонских рыцарей. Столица Бранденбурга, Берлин, в петровское время (1700 год) был еще небольшим городом с населением в 25 000 человек. Жили в Бранденбурге протестанты – бережливые, деятельные, наделенные способностью к согласованным действиям, готовностью приносить себя в жертву общим интересам и верой в то, что долг есть высшая добродетель. Другие немцы – рейнцы, баварцы, ганноверцы и саксонцы – считали бранденбуржцев менее цивилизованными и передовыми и более

агрессивными, чем они сами.

Отсталость Бранденбурга имела географические причины. Это государство – продукт династических брачных союзов и наследственных неурядиц, было раскидано в виде разрозненных фрагментов по всей Северо-Европейской равнине. Самое западное его владение, герцогство Клевское, лежало на Рейне, там, где великая река втекает в пределы Голландии, а крайнее восточное герцогство, Восточная Пруссия, располагалось на Немане, более чем в 500 милях к востоку от Клеве. Вестфальский договор 1648 года, завершивший Тридцатилетнюю войну, сулил Бранденбургу мрачную будущность. Княжество было отрезано от моря, природными богатствами не располагало; из-за своих тощих земель Бранденбург именовался «песочницей Священной Римской империи». Сельская местность оскудела и обезлюдела оттого, что по ней без конца проходили чужеземные полчища, то протестантские, то католические. Однако в 1640 году древний дом Гогенцоллернов, правивший Бранденбургом с 1417 года, выдвинул выдающегося правителя, курфюрста Фридриха Вильгельма. Его земли были разбросаны и истощены, а он мечтал о новом государстве Гогенцоллернов – независимом, едином и могучем. Фридрих Вильгельм, которого стали называть Великим курфюрстом, создал такой государственный механизм, которому предстояло вывести Пруссию в ряд первых европейских держав. Он организовал действенную централизованную систему управления с дисциплинированным чиновничьим аппаратом, наладил почтовую службу, ввел дифференцированный подоходный налог. И в 1688 году, пробыв у власти сорок восемь лет, Великий курфюрст умер и оставил Бранденбургу, располагавшему населением всего в один миллион человек, 30-тысячную современную регулярную армию.

Потомки Великого курфюрста преданно следовали его заветам. К 1701 году мощь Пруссии возросла до того, что сын Великого курфюрста, Фридрих, не хотел более довольствоваться прежним титулом. Он пожелал стать королем. Император Священной Римской империи был решительно против: сделай он Фридриха королем, и курфюрсты Ганноверский, Баварский и Саксонский тоже захотят стать королями. Но выбирать императору не приходилось. Готовясь вступить в войну с Францией, которая обещала стать затяжной и трудной (речь идет о войне за Испанское наследство), он отчаянно нуждался в прусских полках, которые Фридрих рад был ему ссудить – в обмен на королевский титул. Император смирился, и 18 января 1701 года Фридрих сам возложил корону на свою голову в Кёнигсберге и превратился в короля Фридриха I Прусского.

В 1713 году его сменил на престоле король Фридрих Вильгельм I, сделавшийся другом и союзником Петра. Еще целеустремленнее, чем его отец и дед, он поставил единственной задачей прусского государства достижение максимальной военной мощи. Все было подчинено этой задаче: надежная экономика, способная обеспечить потребности многочисленной армии; действенный аппарат управления, облегчавший сбор налогов, которые шли на финансирование армии; прекрасная система народного образования, готовившая для армии грамотных солдат. В противоположность Франции, где национальное богатство направлялось на архитектурные символы государственного величия, в Пруссии все строительство велось исключительно в военных целях – пороховые заводы, пушечные фабрики, арсеналы, казармы. Прусский король стремился довести численность профессиональной армии до 80 000. Но хотя эта военная сила непрерывно росла, прусская внешняя политика отличалась осмотрительностью. Подобно своему отцу, Фридрих Вильгельм I жаждал новых земель и морских портов, но не торопился ими завладеть. Прусские войска сражались в составе армий империи Габсбургов во Фландрии и Италии, но всегда по контракту; сама же Пруссия никогда ни с кем не воевала. Особенно осторожно вела себя Пруссия в отношении участников Северной войны, полыхавшей вокруг ее границ. Все годы, что Карл XII маршировал взад-вперед по польским землям, Пруссия сохраняла нейтралитет. И только после Полтавы, когда Швеция пала на колени, Пруссия примкнула к Ганноверу, чтобы объявить войну и пожать плоды победы.

В частной жизни Фридрих Вильгельм I был человеком странным и несчастливым. В нем уживались эксцентричность и скромность, приступы бешенства и любовь к строжайшей дисциплине, он ненавидел все, что любил его отец, а особенно все французское. Фридрих Вильгельм презирал и самих французов, и их язык, и культуру, и даже кухню. Когда преступников вели на казнь, король приказывал одевать их во французский костюм. На первый взгляд Фридрих Вильгельм мог показаться обыкновенным протестантским монархом, верным мужем, скучным буржуазным папашей. Он лишил свой двор всех побрякушек, продал почти всю отцовскую мебель и драгоценности и распустил большинство придворных. Он полюбил свою ганноверскую кузину Софию Доротею, дочь будущего короля Георга I Английского, и женился на ней. Он говорил о ней «моя жена» вместо «королева» и о сыне – не «наследник престола», а просто «Фриц». Каждый вечер он ужинал в кругу семьи.

Единственное, что портило эту милую домашнюю картину, были вспышки безудержной ярости, охватывавшие Фридриха Вильгельма. Он мог совершенно неожиданно вспылить на детей или на любого, кто подвернется. Выведенный из себя каким-нибудь пустячным, безобидным замечанием или чьим-то внешним видом, он тут же пускал в ход свою деревянную трость и бил ею куда попало, в том числе по лицу – случались и сломанные носы, и выбитые зубы. Когда он проделывал это на берлинских улицах, для жертвы не было никакого спасения; попытка отразить удар или ответить тем же разъяренному монарху каралась смертью. Это объяснялось, по-видимому, порфирией – болезнью, которая, предположительно, передалась ему по наследству от королевы Марии Стюарт и позже поразила английского короля Георга III. Эта болезнь, представляющая собой нарушение обмена веществ и проявляющаяся в подагре, мигренях, нарывах, фурункулах, геморрое и страшных кишечных коликах, ввергала короля в мучительные страдания, делая его слегка невменяемым. Со временем он страшно растолстел, глаза выкатились из орбит, а кожа блестела, как полированная слоновая кость. Чтобы отвлечься от своих недугов, Фридрих Вильгельм научился писать маслом и подписывал холсты «FW in tormentis pinxit» – «писал в муках ФВ». Каждый вечер после ужина он созывал своих министров и генералов выпить по кружке пива и подыметь длинными трубками. На этих грубых мужских посиделках руководители прусского государства тешились тем, что дразнили и изводили придворного историка, безобидного педанта, которого однажды умудрились даже поджечь.

Самым известным из пристрастий короля было коллекционирование великанов: его собрание прославилось на всю Европу. Так называемые Потсдамские великаны, или Синие пруссаки, насчитывали больше 1200 человек, сведенных в два батальона по 600 солдат в каждом. Среди них не было ни одного ниже шести футов ростом, а некоторые, состоявшие в особом Красном подразделении, или Первом батальоне, достигали почти семи футов. Король одевал их в синие камзолы с золотой отделкой и алыми отворотами, алые штаны, белые чулки, черные туфли и высокие красные шляпы. Он снаряжал их мушкетами, белыми патронташами и маленькими кинжалами и, как дитя, играл с этими огромными живыми игрушками. Не было таких расходов, на которые Фридрих Вильгельм не пошел бы ради этого увлечения, – он тратил миллионы, чтобы набирать и содержать своих гигантских гренадеров. Их нанимали или покупали по всей Европе, а если какие-то особо желанные экземпляры отказывались от предложений королевских агентов, их попросту похищали. В конце концов такой способ приобретения стал слишком дорог – один ирландец семи футов и двух дюймов ростом обошелся свыше 6000 фунтов, – и тогда Фридрих Вильгельм попробовал разводить гигантов. Каждого высокого мужчину в королевстве принуждали жениться на высокой женщине. Слабым местом этого плана было то, что королю приходилось ждать лет 15–20, пока созреют плоды этих союзов, причем нередко бывало, что получался мальчик или девочка обычного роста. Самым же легким способом раздобыть очередного гиганта было получить его в подарок. Иностранные послы советовали своим суверенам, желавшем приобрести расположение прусского короля, присылать ему в дар великанов. Петру особенно нравилось это увлечение собрата-монарха чудесами природы, и

Россия ежегодно снабжала прусского короля пятьюдесятью новыми великанами. (Как-то раз, когда Петр отозвал нескольких русских великанов, одолженных Фридриху Вильгельму, и заменил их на солдат немного пониже ростом, король так огорчился, что не мог говорить о делах с русским послом: рана в его сердце была, по его словам, еще слишком свежа.)

Разумеется, король никогда не подставлял своих драгоценных колоссов под неприятельский огонь. В свою очередь, они чем могли старались радовать больного монарха. Когда он плохо себя чувствовал или впадал в депрессию, оба батальона в полном составе проходили нескончаемой вереницей через его покои; впереди шествовали высокие мавры в тюрбанах, гремя тарелками и дудя в трубы, и вели с собой гренадерский талисман – гигантского медведя: и все это только для того, чтобы поднять королю настроение.

Неудивительно, что супруга Фридриха Вильгельма, королева София Доротея, была несчастлива с этим странным человеком. Ей хотелось бы побольше пышности, придворных, драгоценностей, балов. А уж когда ее отец стал английским королем – властелином, равным императору в Вене, – она и вовсе стала свысока смотреть на дом Гогенцоллернов и на этот убогий берлинский двор. И все же она родила мужу четырнадцать детей и спасала их, пряча у себя в комнатах, когда ее разъяренный супруг гонялся за ними с палкой по всему дворцу. Двое первенцев – обоих звали Фридрихами – умерли вскоре после рождения. Третий, тоже Фридрих, выжил, как и еще девять его младших братьев и сестер. Это был хрупкий, вежливый мальчик, обожавший все французское – язык, наряды, даже прически – и наделенный такой молниеносной находчивостью, что в споре он мог легко положить отца на лопатки. Несмотря на деликатность натуры Фридриха, его воспитывали как принца-воителя, наследника военного государства. Отец выделил ему собственный потешный полк «кадетов кронпринца», включавший 131 мальчика, которыми принц мог распоряжаться, как ему было угодно. Четырнадцати лет маленький принц (он так и не вырос выше пяти футов семи дюймов) был назначен майором Потсдамских гренадеров и командовал на плац-параде этими возвышавшимися над ним гигантами.

Отношения между отцом и сыном постепенно ухудшались. Король, терзаемый болью и нередко пользовавшийся креслом на колесах, глядел на сына с презрением. Он, видимо, вполне сознавал, что он делает, потому что сказал как-то Фридриху: «Если бы мой отец обращался со мной так же, как я с тобой, я бы этого не потерпел. Или убил бы себя, или сбежал».

В 1730 году, в восемнадцать лет, Фридрих и вправду сбежал. Его быстро изловили, и король обошелся с сыном и его товарищем, утонченным Гансом Германом фон Катте, франкофилом и генеральским сыном, как с дезертирами. Их бросили в тюрьму, и однажды утром принца подвели к окну, чтобы он увидел, как его друга фон Катте вывели в тюремный двор и обезглавили ударом сабли.

В 1740 году превратившийся в полную развалину король Фридрих Вильгельм умер, и двадцативосьмилетний принц Фридрих вступил на прусский престол. Не прошло и нескольких месяцев, как он привел в действие столь бережно выпестованную его отцом прусскую военную машину. К изумлению всей Европы, он оккупировал Силезию и тем бросил вызов империи Габсбургов. Это была первая из блестящих военных кампаний, прославивших полководческий гений хрупкого молодого короля и снискавших ему титул Фридриха Великого.

* * *

Осенью 1712 года, когда петровская армия увязла под стенами Штеттина, а сам царь курсировал между Дрезденом, Карлсбадом и Берлином, Швеция, сколь ни поразительно, готовилась нанести решительный удар на континенте. Карл XII скомандовал поставить под ружье новую армию и направить ее в Северную Германию. На нее возлагалась задача пройти через Польшу на юг, на соединение с королем и османской армией, и осуществить наконец его мечту – завоевать Россию. Вконец обнищавшее правительство в отчаянии выслушало это

распоряжение. «Растолкуйте королю, – писал один из его чиновников, – что Швеция не может больше посылать войска в Германию, если намерена защищаться от Дании, а особенно от царя, который уже завладел прибалтийскими землями и частью Финляндии, а теперь угрожает вторгнуться в нашу страну и обратить Стокгольм в пепел. Терпение Швеции велико, но не настолько, чтобы желать сделаться русской провинцией». Но приказ короля в конце концов выполнили – с величайшим трудом набрали новое войско. Магнус Стенбок высадился в шведской Померании с подвижной 18-тысячной полевой армией. С самого начала Стенбока постигла крупная неудача – датский флот перехватил караван шведских грузовых судов с трюмами, набитыми провизией, боеприпасами и порохом, которые предназначались для его армии, и отправил на дно тридцать кораблей. Но все равно высадка Стенбока вызвала большую озабоченность союзников, и разгром его армии сделался первоочередной задачей для их объединенных сил. Из Дрездена, где Петр отдыхал после курса лечения, он торопил Фредерика Датского направить войска, находившиеся в Голштинии, против шведов: «Я не сомневаюсь, что Ваше королевское величество нужду самую в том признаете и тако толь скоряе сие по нашему желанию для общей пользы учините. Я паки дружеско-братски и о сем Ваше королевское величество прошу. И при том объявляю, что хотя мое здоровье требует, дабы я по имевшему куру [курсу питья минеральных вод] некоторое время выпокоился, однако же я, видя самую в том нужду, дабы сего полезного дела не пропустить, презря то, сего времени к войску отъезжаю». К Меншикову Петр обращался еще настойчивее: «Для Бога, ежели случай доброй есть, хотя я и не успею прибыть, не теряйте времени, во имя Господне, и оного [врага] отакуйте».

Оказавшись перед угрозой шедших на соединение войск датчан, саксонцев и русских, Стенбок решил напасть на датчан прежде, чем подойдет царь с главными силами русской и саксонской армий. 20 декабря 1712 года, в страшную метель, он застиг врасплох 15 000 датчан, стоявших лагерем при Гадебуше, и сильно их помял, причем едва не взял в плен короля Фредерика IV. Но в целом эта победа дала скромные плоды, зато силы Стенбока сократились до 12 000 – при том что вскоре к нему устремились 36 000 саксонцев, русских и датчан. Он же все ждал подхода припасов и подкреплений из Швеции, но, увидев, как ледяная корка затягивает балтийские порты, понял, что этой зимой помощи с родины ему уже не дожидаться. В поисках убежища Стенбок двинулся на запад, к Гамбургу и Бремену. Он потребовал с Альтоны, городка под Гамбургом, выкуп в 100 000 талеров на свои расходы, а когда город собрал всего 42 000, солдаты Стенбока сожгли его, оставив только тридцать домов. Через два дня туда вновь вернулся шведский отряд и сжег двадцать пять домов из оставшихся тридцати. Петр, подоспевший к Альтоне со своей армией преследования через восемь дней, был потрясен видом жителей, оставшихся без крова среди руин, и раздал им тысячу рублей. Отступление Стенбока завершилось в крепости Тённинг на побережье Северного моря, где его окружили и осадили на всю зиму союзные войска.

25 января 1713 года, когда все военные действия пришлось прекратить до весны, Петр покинул армию, передав командование русскими войсками Меншикову; союзные войска оставались под началом датского короля. От Тённинга Петр направился в Ганновер, чтобы встретиться с курфюрстом Георгом Людвигом, которому вскоре, со смертью королевы Анны, предстояло стать королем Англии Георгом I. Петр не только рассчитывал привлечь Ганновер к войне против Швеции, но и выяснить через курфюрста позицию Англии. После своего визита царь написал Екатерине: «Курфюрст зело склонен явился и советы многие подавал, только что делом что исполнить, то никто не хочет».

Царь возвратился в Петербург, а через четыре месяца, в мае 1713 года, Стенбок капитулировал в Тённинге. Меншиков отвел русскую армию назад в Померанию, причем по дороге создал угрозу Гамбургу и вытянул с вольного города «контрибуцию» в 100 000 талеров, чтобы наказать его за высокодоходную торговлю со Швецией. Петр остался доволен этой акцией и написал Меншикову: «Благодарствуем за деньги, что взято с Гамбурга доброю манерою и не продолжа времени, и чтоб из оных добрую часть послать к Куракину [в Голландию]: зело нужно для покупки кораблей». Из Гамбурга Меншиков прошел на восток и

осадил Штеттин. На этот раз он располагал саксонской осадной артиллерией, и 19 сентября 1713 года Штеттин пал. По соглашению, он был затем передан Фридриху Вильгельму Прусскому, которому до сих не пришлось сделать ни единого выстрела.

От всей некогда великой империи Карла XII к югу от Балтики теперь под сине-желтым шведским флагом остались только Штральзунд и Висмар.